

ИРИНА ФИЛИППОВА

ЧАГА

ГРИБ-СЕНСАЦИЯ

Новые открытия в лечении чагой
«Железная чага» против саркомы
Излечение Солженицына от рака

 ПИТЕР®

Ирина Александровна Филиппова

Чага. Гриб-сенсация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698349

*И.А. Филиппова. Чага. Гриб-сенсация: Питер; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-496-00834-1*

Аннотация

Гриб чага обладает уникальными целебными свойствами, способен помочь больным при множестве заболеваний. Автор книги Ирина Филиппова, известный врач-фунготерапевт, кандидат биологических наук, делится с читателями уникальными рецептами оздоровления при помощи гриба чаги и препаратов, полученных на его основе. Лекарственные свойства чаги подтверждены множеством научных исследований. Ученые и врачи признали, что чага является настоящим целебным чудом. Как избавиться от многих заболеваний и оздоровить организм при помощи современной методики, вы узнаете, прочитав книгу. Издание адресовано всем, кто желает улучшить свое здоровье, избавиться от болезней раз и навсегда.

Содержание

Предисловие	5
От автора	6
Глава 1	9
Излечение чагой писателя Солженицына	12
Немного предыстории. Мифы о болезни писателя в Интернете и воспоминаниях современников	15
Правда и вымысел о заболевании писателя	17
Журналистская версия о раке желудка у писателя	19
История болезни Солженицына в воспоминаниях первой жены Н. Решетовской	24
Что такое липосаркома	25
История болезни глазами онколога	26
Свидетельство Н. Решетовской	29
Вывод, который напрашивается	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Филиппова

Чага. Гриб-сенсация

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

В оформлении обложки использованы иллюстрации [shutterstock.com](https://www.shutterstock.com).

Предисловие

Доброго здоровьица!

Мы знакомы с Ириной Александровной уже четверть века. Как и с фунготерапией. Всегда с удовольствием приглашал Ирину Александровну на свои программы, чтобы познакомить зрителей с перспективной наукой следующего тысячелетия. И всегда был уверен – программа будет искрящейся и увлекательной. Отдаю должное уже классику фунготерапии – она умеет рассказывать и писать о грибах так увлекательно и завораживающе, что информацию о лекарственных свойствах чаги или шиитаке воспринимаешь как детектив или приключенческий роман.

Ну а то что Ирина Александровна – великий трудоголик, эрудит, знаток грибов, подвижник знаний о грибах, основной российский фунготерапевт – это всем понятно.

*Геннадий Петрович Малахов,
писатель, ведущий телепрограммы «Доброго здоровьица!»*

От автора

Россия – страна березового ситца. Так красиво назвал нашу Родину поэт Сергей Есенин. Бескрайние березовые рощи, небольшие березовые колки на берегах многочисленных рек и речушек, ажурная бело-зеленая вязь березовых просторов... Ни в одной стране мира нет такого изобилия берез. И нет такого количества целебного чуда – **гриба чаги**, который нарастает именно на березовых стволах. Об уникальных свойствах чаги знают во всем мире и везде называют этот гриб **русским**. Чага – бесценное золото России. К сожалению, не умеем мы ценить то, что дано нам по праву рождения, разбазариваем по недомыслию и невежеству исконному, русскому, не задумываемся о последствиях такого хищнического отношения к родной природе. Только за последние 20 лет из России было вывезено более миллиона тонн сырья чаги, распродано за копейки многочисленным западным фирмам, которые производят дорогостоящие БАД и лекарства, а затем реализуют их у нас же – в Российской Федерации.

Западные веб-сайты пестрят объявлениями: *«Продается русская чага. Цены высокие»*. Японская фирма случайно (а может и преднамеренно) направила российской производственной компании «БИОЛЮКС», занимающейся производством БАД и косметики из целебных грибов, предло-

жение приобретать у нее высококачественное сырье чаги. Япония – России! Предложила покупать чагу, да еще по баснословным ценам!

Псковский егерь мне с горечью рассказывал: *«Раньше, в советское время, заготовка чаги велась разумно, только с берез, предназначенных для вырубki. Сейчас же дикие заготовители-браконьеры абсолютно безнаказанно рубят чагу в любой роще, заповеднике, заказнике. Чага исчезает. И если в 1970-х годах с гектара березовых угодий можно было получить 50–100 кг чаги, то сейчас со 100 га не наберется и 50 кг. Ведь плодовое тело чаги нарастает 20–30 лет...»*

Обидно, больно, страшно... Своими руками россияне уничтожают то, что могло их кормить веками. То, что дано родной природой. Государство не замечает этого разрушения, нет ни лицензий на добычу чаги, ни программы сохранения ее в природе, ни элементарной помощи тем фирмам, которые берут на себя функции по сохранению этого целебного гриба.

Компанией «Центр фунготерапии» был создан грибной заказник в Псковской области (недалеко от Пушкиногорского заповедника), где отрабатывается технология заражения грибными спорами (мицелием гриба чаги) березовых стволов с целью восстановления популяции чаги. Это единственная надежда на то, что чагу мы не потеряем и научимся выращивать и культивировать ее в естественных условиях. Но эта инициатива так и остается инициативой, она не поддер-

живается ни финансами, ни иной помощью государства...

Я написала книгу, которую вы держите в руках, не только чтобы рассказать людям о целебном чуде, которое мы имеем, о результатах многочисленных научных исследований, подтверждающих уникальность лечебных свойств этого гриба, но и чтобы хотя бы кто-то из власть имеющих задумался: нельзя давать на откуп свое, выстраданное открытие, нельзя бросать под ноги Западу российские изобретения.

*Ирина Филиппова,
фунготерапевт,
кандидат биологических наук*

Глава 1

Доктор Масленников из Александрова – мастер чаголечения

Городишко Александров, как и все провинциальные городки недалеко от Москвы, обычно плавает в сонной истоме. Вся жизнь – в бурной и кипучей Москве. Здесь же – пыльные улочки с асфальтом в трещинках, длинные ряды заборов из штакетника, разноцветье флоксов в палисадниках. Из местных достопримечательностей – музей Марины Цветаевой. В остальном – сонное царство.

А ведь когда-то город Александров гудел как пчелиный улей, пригородные электрички регулярно доставляли на привокзальную площадь очередную толпу «паломников», но паломников не к дивной красоты церквушке, а к обычному земскому врачу, простите, обычному врачу обычной советской поликлиники – Масленникову Сергею Никитичу.

Те 50-е годы XX века очевидцы и старожилы-александровцы помнят хорошо: очередь к дому врача выстраивалась на километр. Ожидание растягивалось на несколько дней, люди снимали комнатухи и койки у местных жителей, кто-то ставил палатки, а кто-то часами скорбно выстаивал под

палящим солнцем или проливным дождем.

Со всех концов Советского Союза люди приезжали за надеждой.

Надеждой на излечение от рака. Необходимо учесть, что в те годы о пиаре и рекламе никто и не слыхивал, а журналистам и редакторам газет и в страшном сне не могло привидеться, что они опубликуют материал о враче, который берется лечить рак вот так – не в стенах онкологического диспансера, не операциями и химиотерапией, а какими-то непонятными древесными наростами... Однако надо отдать должное: хоть и наговорено много несусветной чуши о тех диктаторских временах, но власти не мешали, делали вид, что Масленникова как будто и нет, а очереди к нему – просто так, за советом. Тем более, врач работал в больнице, каждый день принимал обычных местных пациентов, а в свободное от работы время врачевал. Объяснял, что наработывает диссертацию.

И это было действительно так: Масленников по крупицам собирал данные об эффективности настоя чаги, который применял при лечении раковых заболеваний. Скрупулезно записывал диагнозы больных, свои назначения, результаты, через какой отрезок времени они наблюдаются. В его записях – сведения об эффективности настоя чаги при различных видах рака, бесценные выводы, когда и как помогает чага. Например, опухоли желудка и почек практически всегда поддаются лечению чагой, опухоли мозга – нет. Годами Мас-

ленников отработывал концентрацию оптимального настоя чаги, экспериментировал с древесными грибами, росшими на рябинах и осинах. Архив Масленникова – диагнозы больных и результаты лечения – огромен.

И авторитет его, как врача, исцеляющего рак, – непреложен. Без единой публикации в прессе Масленникова знали везде. Адрес врача, написанный от руки или отпечатанный на машинке, переходил из рук в руки. Сарафанное радио – вещь неподкупная, лжи, вымыслов и фантазий там не бывает. Есть человек со страшной смертельной болезнью – и есть результат лечения именно этим врачом, именно этим снадобьем, и факты подтверждаются постоянно. В архиве Масленникова есть сотни реальных историй болезни, которые закончились излечением рака.

Излечение чагой писателя Солженицына

Одна из таких реальных историй – заболевание раком известного писателя Александра Ивановича Солженицына и его **полное** излечение от этой страшной болезни.

В повести «Раковый корпус» Солженицын описывает свои скитания по онкологическим диспансерам, психологические переживания уже на грани между жизнью и смертью, пациентов с таким же недугом, отсчитывающих последние месяцы, врачей-онкологов, и узколобых, и творчески направленных, и равнодушных, и наоборот, стремящихся помочь и сознающих собственное бессилие перед этим заболеванием.

РАКОВЫЙ КОРПУС СОЛЖЕНИЦЫНА (отрывок из книги)

«...Всех собрал этот страшный корпус – тринадцатый, раковый. Гонимых и гонителей, молчаливых и бодрых, работяг и стяжателей – всех собрал и обезличил, все они теперь только тяжелобольные, вырванные из привычной обстановки, отвергнутые и отвергнувшие все привычное и родное. Нет у них теперь ни дома другого, ни жизни другой. Они приходят сюда с болью, с сомнением – рак или нет, жить или умирать? Впрочем, о смерти не думает никто, ее нет. Ефрем, с забинтованной шеей, ходит и нудит “Сикиверное наше дело”, но и он не думает о смерти,

несмотря на то что бинты поднимаются все выше и выше, а врачи все больше отмалчиваются, – не хочет он поверить в смерть и не верит. Он старожил, в первый раз отпустила его болезнь и сейчас отпустит.

Русанов Николай Павлович – ответственный работник, мечтающий о заслуженной персональной пенсии. Сюда попал случайно, если уж и надо в больницу, то не в эту, где такие варварские условия (ни тебе отдельной палаты, ни специалистов и ухода, подобающего его положению). Да и народец подобрался в палате, один Оглоед чего стоит – ссыльный, грубиян и симулянт.

А Костоглотов (Оглоедом его все тот же пронизательный Русанов назвал) и сам уже себя больным не считает. Двенадцать дней назад приполз он в клинику не больным – умирающим, а сейчас ему даже сны снятся какие-то “расплывчато-приятные”, и в гости горазд сходить – явный признак выздоровления. Так ведь иначе не могло и быть, столько уже перенес: воевал, потом сидел, института не кончил (а теперь – тридцать четыре, поздно), в офицеры не взяли, сослан навечно, да еще вот – рак. Более упрямого, въедливого пациента не найти: болеет профессионально (книгу патанатомии проштудировал), на всякий вопрос добивается ответа от специалистов, нашел врача Масленникова, который чудо-лекарством – чагой лечит. И уже готов сам отправиться на поиски, лечиться, как всякая живая тварь лечится, да нельзя ему в Россию, где растут удивительные деревья – березы...

Замечательный способ выздоровления с помощью чая из чаги (березового гриба) оживил и заинтересовал всех раковых больных, уставших, разуверившихся. Но не такой человек Костоглотов Олег, чтобы все свои секреты раскрывать этим свободным, но не наученным “мудрости жизненных жертв”, не умеющим скинуть все ненужное, лишнее и лечиться...

Веривший во все народные лекарства (тут и чага, и иссык-кульский корень – аконитум), Олег Костоглотов с большой настороженностью относится ко всякому “научному” вмешательству в свой организм, чем немало досаждают лечащим врачам Вере Корнильевне Гангарт и Людмиле Афанасьевне Донцовой. С последней Оглоед все порывается на откровенный разговор, но Людмила Афанасьевна, “уступая в малом” (отменяя один сеанс лучевой терапии), с врачебной хитростью тут же прописывает “небольшой” укол синэстрола, лекарства, убивающего, как выяснил позднее Олег, ту единственную радость в жизни, что осталась ему, прошедшему через четырнадцать лет лишений, которую испытывал он всякий раз при встрече с Вегой (Верой Гангарт).

Слепая вера Вегои в науку наталкивается на уверенность Олега в силы природы, человека, в свои силы. И оба они идут на уступки: Вера Корнильевна просит, и Олег выливает настой корня, соглашается на переливание крови, на укол, уничтожающий, казалось бы, последнюю радость, доступную Олегу на земле. Радость любить и быть любимым...

...Многое должен пережить и передумать человек, прежде чем придет к такому пониманию жизни, не каждому это дано. Вот и Зоенька, пчелка-Зоенька, как ни нравится ей Костоглотов, не будет даже местом своим медсестры жертвовать, а уж себя и подавно постарается уберечь от человека, с которым можно тайком от всех целоваться в коридорном тупике, но нельзя создать настоящее семейное счастье (с детьми, вышиванием мулине, подушечками и еще многими и многими доступными другим радостями). Одинакового роста с Верой Корнильевной, Зоя гораздо плотней, потому и кажется крупнее, осанистее. Да и в отношениях их с Олегом нет той хрупкости-недосказанности, которая царит между Костоглотовым и Гангарт. Как будущий врач Зоя (студентка мединститута) прекрасно понимает “обреченность” больного Костоглотова. Именно она раскрывает ему глаза на тайну нового укола, прописанного Донцовой. И снова, как пульсация вен, – да стоит ли жить после такого? Стоит ли?...»

Немного предыстории. Мифы о болезни писателя в Интернете и воспоминаниях современников

Итак, давайте немного разберемся в истории болезни А. Солженицына, его отношении к собственному исцелению,

мифах, которые возникли в публицистике по этому поводу.

Откровенная, «говорящая» фраза из «Ракового корпуса» о главном герое (а прототип главного героя Оглоеда – конечно, сам Солженицын) удивила меня.

«Но не такой человек Костоглолов Олег, чтобы все свои секреты раскрывать этим свободным, но не наученным “мудрости жизненных жертв”, не умеющим скинуть все ненужное, лишнее и лечиться...»

Чтобы понять эти слова, нужно знать характер Солженицына – подозрительный, закрытый, амбициозный, чуждый благодарности кому-нибудь и за что-нибудь. Именно о таких чертах Солженицына говорила его первая жена Наталья Решетовская, умершая не так давно. Она знала о заболевании мужа многое, знала – и вынуждена была молчать. Потому что Солженицын крайне болезненно реагировал на любое упоминание о его недуге и выздоровлении... Одно время я даже сомневалась: а был ли рак у писателя? Не творческий ли это вымысел?

Уж очень разные версии перепечатавают друг у друга газеты. Но сейчас могу сказать однозначно: заболевание было. Смертельное заболевание, опасное.

И надо отдать должное писателю – он мужественно встретил болезнь и победил ее.

Правда и вымысел о заболевании писателя

В поисках истины мне пришлось «прошерстить» массу информации – и везде она была разной. Никто точно не мог назвать ни какого вида злокачественная опухоль была, ни как ее лечили. Источники давали совершенно противоречивые сведения.

Да, писатель не любил журналистов, практически никогда не давал интервью, а уж упоминание о болезни – это было для него полнейшее табу. Да и кто осудил бы это? Человек, носящий в себе опухоль, как мину с часовым механизмом, отсчитывающим не то что месяцы – минуты жизни, вряд ли станет откровенно высказываться о своем излечении. Скорее замолчит, постарается забыть об этом, таким образом надеясь перехитрить коварный недуг. Такой человек раним и уязвим, особенно когда с ним говорят о болезни. Вот выдержка из книги воспоминаний первой жены Солженицына Натальи Решетовской:

«...Все было бы хорошо, если бы меня оставило ощущение, что муж в чем-то неуловимо изменился. Что-то между нами было недоговорено.

Наконец, не выдержала и спросила его об этом...

– В нашем доме совершено предательство, – сказал он.

– Кем? – не веря ушам, воскликнула я.

– Мамой...???

Пока мы здесь в Рязани, он не скажет, в чем оно состоит. Потом, пожалуй, когда мы поедem в Ташкент...

Мама и... предательство?

Открытая душа мамы, ее искренность и самоотверженность и... предательство?!

Я сжалась. Покой был потерян. Пыталась готовиться к концерту, но ничего, ничего не выходило. Я была рассредоточена, рассеяна...

Как-то все же дожили до 17 марта – до нашего отъезда.

В три часа дня мы в столице Узбекистана. Гостиница “Ташкент”.

Не зря ли он сюда приехал – думает мой муж. Эти сомнения, высказанные мне в первый вечер, не рассеялись у него и на следующий день, когда он уже побывал в онкодиспансере, ходил в белом халате, участвовал в обходе, но все же чувствовал себя “именитым гостем”.

Он лишний раз убедился, что невозможно и нелепо “собирать материал”. “Собирать материал” можно только своим горбом и не будучи (хотя бы для окружающих) никаким писателем. Иначе ты безнадежно сторонний наблюдатель, перед которым все притворяются или становятся на цыпочки.

Можно писать только о том, что пережил! – таково крепнущее убеждение Солженицына.

Началось это в горький для меня день 23 марта. За

окном лил дождь, то и дело переходящий в ливень.

– Ну, давай поговорим! – наконец, сказал мне муж.

Он посадил меня на одну из двух кроватей, стоявших через узкий проход одна от другой, пристально глядя на меня, стал объяснять, в чем состояло “предательство” моей мамы...

Она слишком откровенно говорила с одной посетительницей о здоровье, вернее, о болезни своего зятя.

Я не поверила.

– Как ты можешь быть в этом уверен? – спросила я. – Кому она сказала?..

Муж назвал мне фамилию.

Я растерялась. Этой женщине – профессору из Ленинграда я склонна была доверять, хотя не знала ее лично...»

Из этого отрывка видно, насколько болезненно относился Солженицын к утечке информации о своей болезни, поэтому все последующие измышления журналистов о его недуге явно не соответствуют действительности.

Журналистская версия о раке желудка у писателя

Итак, рак желудка у Солженицына определили, когда ему было 33 года.

«Зимой 1952 года у Александра Солженицына на трид-

цать четвертом году жизни обнаружили опухоль желудка и 12 февраля прооперировали в лагере, где он уже отбыл семь лет из восьми, присужденных за критические высказывания в письме к другу в адрес Сталина», – пишет безымянный журналист в Интернете.

Александр Солженицын родился 11 декабря 1918 года. Рак у писателя обнаружили в декабре 1952 года, когда ему уже исполнилось 34 года, и рассуждения некоторых журналистов о «возрасте Христа и чудесном исцелении» для нас вряд ли представляют интерес.

Обратился к врачам он уже с сильными ноющими болями, а это означает, что рак был запущенным, однозначно III–IV стадия, то есть до этого заболевание развивалось не менее трех лет со стертыми симптомами.

«12 февраля прооперировали в лагере...» – и спустя абзац журналист пишет, что рак был «неоперабелен». Несоответствие? Не совсем. Абсолютная чепуха.

Не знаю, каким образом может быть проведена операция – сложнейшая, онкологическая – в лагерном медпункте, но если допустить, что это произошло, – операция была напрасной. Как говорят пациенты: «разрезали и зашили». То есть хирург убедился в том, что опухоль убрать невозможно даже частично – она проросла основательно, раскинув метастазы в печень и лимфоузлы. Иными словами, подтверждена III–IV стадия рака желудка.

Если же хирург все-таки решил частично удалить опу-

холь, то метастазы в печени и загрудинных лимфоузлах все равно остались бы.

Как онколог могу сказать однозначно: в условиях медпункта одного из лагерей ГУЛАГа за такую операцию не взялся бы ни один хирург. Условия не те.

Даже если рассматривать самую оптимистичную версию – опухоль только образовалась, метастазов не было – хирург убрал опухоль, осуществив частичную резекцию желудка. (Все это в лагере? С трудом верится, но все же...)

Затем после операции Солженицына держат в лагере и после окончания отбывания наказания 13 февраля 1953 года его отправляют на вечное поселение в Джамбульскую область Казахстана в село Берлик, где он работает после освобождения учителем физики и математики в средней школе.

То есть через год после операции Солженицын был в силах работать в школе в течение года...

Журналист пишет: *«Его злокачественная опухоль не была операбельна, и медики предложили пройти курс лучевой терапии в городе Ташкенте, где применялись новые методики лечения больных раком»*

Что же писатель делал, вернее, что он принимал эти два года, чтобы рак не прогрессировал? Во время нахождения в лагере – скорее всего, ничего, ведь не было возможности ни переписки, ни передачи откуда-либо каких-нибудь природных средств. Как известно, пока Солженицын находился в лагере и в ссылке в Казахстане, его жена вышла замуж за дру-

того и судьбой писателя мало интересовалась. Это уже потом, когда он приехал в Рязань вполне здоровым и достаточно успешным, Решетовская быстро развелась с новым мужем и вернулась к Солженицыну.

А пока, попав в казахский поселок и устроившись на работу учителем, Солженицын чувствует себя крайне плохо и хватается за соломинку. Узнав о целителе, который лечит больных раком настойкой аконита по ступенчатой (капельной) схеме, он на свой страх и риск (ссылным запрещено отлучаться с места проживания) едет туда и покупает эту настойку.

Данный факт подтверждает и журналист: *«Случайно Александр Солженицын узнал, что за сто пятьдесят километров от села, в горах, один старенький знахарь настаивает ядовитый иссык-кульский корень и лечит раковых больных, назначая дозы по ступенчатой схеме. Велика была жажда жизни, и он поехал к нему, зная, что рискует получить двадцать лет лагерей и закончить свои дни в клоаке заключения»*

Еще год Солженицын **сдерживает** развитие рака этой настойкой. И соглашается на облучение.

Журналист продолжает: *«В январе 1954 года Александр Солженицын приехал в Ташкент с направлением, и после мытарств его положили в раковый корпус. Здесь он прошел курс лучевой терапии, продолжая пить ядовитую настойку по рецепту знахаря, познакомился с удивительными врача-*

ми, самоотверженно боровшимися за продление жизни безнадежных больных, и поверил в свое возможное выздоровление»

И опять неточность, которую и развеял словами своего героя Оглоеда Солженицын. Он **перестает** пить настойку, потому что онколог Вега (по совместительству больничная любовь Оглоеда-Солженицына) крайне против **ненаучных** методов.

В тексте книги: «Слепая вера Веги в науку наталкивается на уверенность Олега в силы природы, человека, в свои силы. И оба они идут на уступки: Вера Корнильевна просит, и Олег выливает настой корня, соглашается на переливание крови, на укол синэстрола...»

Следовательно, в диспансере Солженицын прошел курс и химиотерапии и облучения – без вспомогательных средств (без настойки аконита и настоя чаги).

Но уже в самом онкодиспансере он узнает о докторе Масленникове и его способе лечения рака чагой. Понимая, что настойка аконита уже оказала целебное действие – задержала развитие опухоли и метастазов, писатель осознает: это – **надежда**

По словам журналиста, Солженицына *«выписали в марте 1954 года “со значительным улучшением”, и год спустя он задумал написать повесть “Раковый корпус” о своем чудесном исцелении»*

Собственно, во всех источниках упоминается именно **рак**

желудка последней стадии. И совершенно бездоказательно. Потому что никто и никогда не подтверждал и не опровергал эту теорию. На самом деле это не так, хотя заболевание, несомненно, было злокачественное и крайне серьезное. И надежды на излечение было невероятно мало. Но это был не рак желудка, а липосаркома.

История болезни Солженицына в воспоминаниях первой жены Н. Решетовской

«...Небольшая опухоль (она была у Сани и раньше, но не привлекала внимания) начала в январе очень быстро, со дня на день, расти. Ничего другого не оставалось, как ее удалить.

Всякий человек перед операцией волнуется. Сани тоже беспокойно. Да еще не на воле! Не выберешь, к какому доктору обратиться, в какую больницу лечь... На что надеяться?.. На что положиться?.. На судьбу?..

В последних числах января Саня лег в больницу. Оперировали его 12 февраля, под местной анестезией. Врачи разъяснили ему, что “опухоль не имела спаек с окружающими тканями, сохраняла до самого момента операции подвижность и капсуловидную замкнутость и поэтому не могла дать метастазов”. Так писал сам Саня. “Поэтому оснований для дальнейших беспокойств, как уверяют врачи, нет”».

Что такое липосаркома

Липосаркома – злокачественная опухоль, клетками которой являются измененные жировые клетки – липобласты.

Распространенность липосаркомы составляет около 10 % от всех злокачественных опухолей мягких тканей.

Липосаркомы развиваются из доброкачественных жировых образований – липом на фоне других доброкачественных образований – нейрофибром.

Липосаркомы могут быть множественными и встречаться в различных областях тела, однако замечено, что излюбленной локализацией высококодифференцированной липосаркомы является забрюшинная клетчатка, миксоматозной липосаркомы – межмышечная жировая ткань бедра и голени.

Опухоль обычно безболезненна, мягкоэластической консистенции, нередко имеет дольчатое строение. Рост липосаркомы происходит быстрее, чем липомы, образование может достигать 20–25 см в диаметре.

На ранних стадиях липосаркомы бывает довольно сложно отличить от липомы. Подозрительны в плане злокачественности образования, исходящие из глубоких слоев мягких тканей, ограничение подвижности имеющейся ранее опухоли, предшествующая травма в месте появления образования.

Липосаркома чаще метастазирует в легкие, кости, печень,

редко – в лимфоузлы.

Лечение оперативное или комбинированное (удаление липосаркомы в сочетании с лучевой терапией).

Прогноз чаще неблагоприятный, после операции наступают рецидивы.

Проводится послеоперационная лучевая терапия, которая применяется также для лечения метастазов и при местных рецидивах.

По показаниям может быть назначена химиотерапия.

История болезни глазами онколога

Итак, была небольшая опухоль (липома), которая начала быстро расти, болей при таком росте обычно не бывает – иногда при пальпации есть легкая болезненность. Поэтому, скорее всего, писатель обратил внимание на рост опухоли и обратился к врачам.

(Описывая ужасы отбывания наказания в сталинских лагерях и невыносимой жизни политзаключенных, писатели-диссиденты так и не смогли или не захотели ответить на вопрос: почему же медицинская помощь в исправительных учреждениях оказывалась достаточно квалифицированно? Операция была сделана под местным наркозом, своевременно и аккуратно. Вероятно, была проведена и гистология, потому что врачи обратили внимание на то, что отдаленных метастазов не было.)

Но при липосаркоме неизбежны рецидивы, то есть метастазы.

Итак, 12 февраля 1953 года Солженицыну сделали операцию и после этого отправили на поселение в Джамбульскую область. Журналист и здесь несколько искажил действительность: писатель был выслан сразу же, а не по окончании срока заключения.

Когда он обустроился на новом месте, к июню 1953 года состояние здоровья резко ухудшилось, начался рецидив липосаркомы. Жена описывает это так:

«...И почти тотчас же к Сане пришла болезнь. Перебегающие боли в области желудка. Аппетита нет. Все больше худеет. То ли гастрит, то ли язва. Николай Иванович (врач, тоже ссыльный в этом маленьком поселочке) пытается его лечить, но все бесполезно. Нужны анализы, нужны врачи-специалисты.

Ему разрешают выехать в Джамбул, областной центр, для консультации с врачами.

Настроение у Сани подавленное. И он пишет одной моей подруге, тогда одинокой, с которой некоторое время до этого начал переписываться. Он горячо просит ее в случае его смерти приехать сюда, в Кок-Терек, и распорядиться остатками его имущества. (Под “имуществом” он подразумевал свои произведения.)

В Джамбуле Саня прошел все анализы. Сделан ему рентген. Нет, это – не язва и вообще не желудочное заболевание. Это – опухоль величиной с большой кулак, которая выросла из задней стенки брюшной полости.

Она давит на желудок и вызывает боли. Очень может быть, что опухоль эта, увы... злокачественная.

Связана ли она с той, которую ему удалили в Экибастузе? Но та опухоль до последнего момента еще сохраняла подвижность, и врачи были уверены, что она не дала метастазов. А может быть, все-таки... дала?..

Одни врачи склонны думать, что это метастаз старой опухоли: совпадает и период роста опухоли и лимфатические пути распространения метастаза. Другие считают, что эта опухоль – самостоятельная, малорастущая, даже застарелая и вовсе не злокачественная. Кому же верить? Во всяком случае, надо быть готовым к худшему!»

На обследование в Джамбул Солженицын поехал в ноябре 1953 года, то есть после операции прошло полгода. Этого вполне достаточно, чтобы метастаз (вторичная опухоль) настолько увеличился.

В Джамбуле писатель услышал об иссык-кульском корне (аконите). Ему удалось его немного достать. Он пробует его принимать...

«Первые дни после возвращения из Джамбула, в начале декабря, Саня чувствует себя хорошо. Вернулся аппетит. Но он не тешит себя иллюзиями. Смерть кажется ему почти что неизбежной. Утешение он видит в том, что не верит в полноту нашей смерти: “какая-то духовная субстанция остается”.

В Джамбуле ему дали направление в Ташкентский онкологический диспансер. Пожалуй, придется

съездить туда на зимние каникулы! Но на что соглашаться: на операцию ли, на рентгено- или радиотерапию? Или, вернее... иссык-кульский корешок?..»

Настойку аконита писатель принимает один месяц – с начала декабря 1953 года до начала января 1954 года. Именно тогда его положили на лечение в 13-й корпус Ташкентского онкодиспансера.

Свидетельство Н. Решетовской

«Ташкент. На следующий день – на приеме в онкодиспансере. Врач считает, что это – метастаз. Операция – маловероятна. Нужна рентгенотерапия. И она дает направление в “лучевое” отделение клиники.

На следующий день, 4 января, Саню положили в клинику – больница ТашМИ¹, 13-й корпус.

Уже через день расчертили Сане живот на четыре квадрата и стали их по очереди облучать. Через день, а потом и каждый день. Одновременно ему стали давать какие-то таблетки.

Заведующая лучевым отделением Лидия Александровна Дунаева, лечащий врач Ирина Емельяновна Мейке уверяют Солженицына, что рентгеном разрушат ему опухоль, а таблетки – в помощь!..»

¹ ТашМИ – Ташкентский медицинский институт.

Таблетки эти были – синэстрол, обычно назначаемые при таком заболевании.

«...Полтора месяца пробыл Саня в онкодиспансере. 55 сеансов рентгена. 12 000 эр. Опухоль, хоть и не до конца, но в значительной степени разрушена. Ему велено приехать сюда снова к 1-му июня. Это уже неплохой признак, иным велят явиться через месяц и даже через две недели. А все-таки не оставляет сомнения: возвращена ему жизнь или только поманили ею? Отпраздновал свой выход из 13-го корпуса походом в театр на балет Дриго “Эсмеральда”».

В середине февраля Солженицын выписывается из онкодиспансера – опухоль разрушена частично. Но обычно после проведенного облучения клетки липосаркомы начинают усиленно делиться, да и высок риск появления метастазов в печени и костной ткани.

Писатель прекрасно это понимает – и подстраховывается. У него есть два адреса, которые передают из рук в руки онкобольные – казахского целителя Кременцова, собирающего корни аконита для настойки против рака, и врача Масленникова из Александрова, высылающего рецепт использования березовой чаги и саму чагу.

«...Съездив в горы, к старику Кременцову, за иссык-кульским корнем и получив его пригоршню, Саня возвращается в свой Кок-Терек совсем в другом настроении, чем уезжал. Тогда была маленькая надежда, а сейчас он ощущает возврат к жизни. Совсем

ничего не болит. Вот счастье-то! Надолго ли?.. Корень тем временем настаивается. Скоро начнет его пить. Рентген рентгеном, а корень – корнем».

В это же время Александр Исаевич списывается с доктором Масленниковым и получает чагу для лечения. В течение четырех месяцев до следующих сеансов облучения он пьет настойку аконита и чаги большими порциями.

«21 июня он уже снова в 13-м корпусе. Приняли Солженицына в онкодиспансере очень ласково. Нашли, что он изменился неузнаваемо. Но, тем не менее, еще до всякого серьезного осмотра, сказали, что кладут его на месяц.

Пробыть в онкодиспансере пришлось почти два месяца. Когда лейкоциты слишком падали, рентген приостанавливали.

Но вот пришел конец лечению. Теперь Солженицын придет сюда лишь через 10 лет, весной 64-го года. Придет не для консультации, не для лечения. Придет потому, что задумает писать повесть об этом “раковом” корпусе...»

Повторный курс облучения опухоль до конца, конечно же, не разрушил. Но сдвиги были – она опять уменьшилась. И это благодаря постоянному приему аконита и чаги, хотя в онкодиспансере писатель их не принимает – врачи категорически против. И переубедить их невозможно. Но сразу же после выписки писатель опять начинает прием аконита и чаги – он видит реальные результаты. И его в этом поддержи-

вает доктор Масленников, с которым у него завязалась переписка.

В начале 1955 года самочувствие у Солженицына хорошее. Прошло уже четыре месяца после облучения, но он понимает, что облучение опухоль не разрушило, она у него есть и может начать расти, давая метастазы. Однако надежда появилась, писатель верит в лечение аконитом и чагой.

«...Новый, 55-й год Саня встречал вместе с девушкой, которой симпатизировал. А все-таки жениться на ней не решился, хоть и смертельно надоело жить бобылем. Вдруг опять заболит?..»

«...Саня считал своим долгом еще и еще предостеречь меня, на что я иду. Ведь он серьезно и безнадежно болен, обречен на недолгую жизнь. Ну год, ну два... Но я была непоколебима: “Ты мне нужен всякий – и живой, и умирающий...” Значит, и я нужна ему сейчас, особенно нужна, чтобы как-то скрасить последние годы его жизни, облегчить возможные страдания, а быть может, помочь побороть смерть?..»

Мы можем прийти к выводу, что и сам писатель, и его жена прекрасно понимали: болезнь не побеждена, она временно отступила. Наталья Решетовская после консультаций с онкологами даже была уверена, что это последние годы жизни мужа. Однако они боролись. Аконит и чага использовались постоянно. А писатель был крайне педантичен во всем – и в приеме этих чудо-средств тоже.

Весной 1956 года Солженицын ложится в онкодиспансер для проведения химиотерапии, на которой ему вводят сарколизин. Курс длится две недели. В то время УЗИ еще не было, и только пальпацией можно было определить, рассасывается ли опухоль и насколько. Она стала практически неопределима. Но писатель не расслабляется и продолжает принимать аконит и чагу.

Уже летом он чувствует прибавку в весе и считает это хорошим знаком – значит, здоровье идет на поправку.

Вывод, который напрашивается

Александр Исаевич Солженицын умер на 90-м году жизни в 2008 году. То есть после операции по удалению липосаркомы в феврале 1953 года он прожил 55 лет. Это может быть расценено как чудо, и, собственно, чудом является. Любой онколог прекрасно знает, что при липосаркоме, даже удаленной на самом раннем сроке, рецидивы, то есть метастазы, неизбежны. Агрессивность липосаркомы Солженицына – вне сомнения. Через четыре месяца после операции на внутренней стенке брюшины выросла опухоль огромных размеров.

Дозы облучения смогли уменьшить ее, но не подавить рост.

Что означает значительное улучшение после облучения и синэстрола? Это регресс опухоли и метастазов, то есть

уменьшение их. Так бывает **всегда** после лучевого облучения и химиотерапии, эти процедуры **уничтожают** раковые клетки и существенно уменьшают опухоли и метастазы. **Но не исключают** их последующего бурного роста. А этот рост неизбежен, если не подключить к борьбе с болезнью растительные противоопухолевые средства.

Если бы писатель не поверил в чудодейственную силу аконита и чаги и не стал бы принимать их регулярно, он прожил бы не более 2–3 лет.

Именно эти растительные препараты спасли ему жизнь. Действие яда аконита не изучалось никогда и вряд ли будет изучаться (выделять средства на изучение натуральных растительных препаратов официальная медицина не намерена, а ядовитых – тем более), но вот о свойствах чаги известно очень многое. И авторитетно доказано, что **лекарственные грибы** не дают развиваться метастазам. Поэтому, не отказываясь от обязательных процедур (операции, облучения и химиотерапии), одновременно принимая настои, **можно** остановить развитие рака.

Случай с излечением Солженицына не единичен. Во всем мире сейчас отмечается всплеск интереса к лекарственным грибам (а это не только чага) и масса примеров **полного** излечения от рака. Очень жаль, что такие подвижники-врачи, как Масленников, остаются забытыми, а их опыт и наработки – невостребованными. И только по счастливой случайности (полное излечение знаменитого пациента) мы сегодня

знаем об успешных усилиях по лечению этого страшного заболевания с помощью чаги.

Сколько таких излеченных было? Думаю, что сотни, если не тысячи.

Доктор Масленников не только принимал больных у себя в нерабочее время, но и лечил людей заочно, по переписке.

Он всегда давал ответ на письма и отслеживал улучшение здоровья по назначаемым им схемам применения чаги.

Через 50 лет про эту болезнь будут писать, что она боится сильных духом и пожирает в первую очередь тех, кто не сопротивляется. Теперь мы знаем, как человеколюбие, вера, желание бороться и самоотверженность врачей спасают жизни обреченных на смерть. Словами героя Костоглотова в повести «Раковый корпус» Солженицын обращается к медикам: *«А честно говоря, я не уверен, что боли упали у меня от одного рентгена...»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.